

Молодость театра

Что больше всего привлекает в спектаклях гастролирующего в Тбилиси Северо-Осетинского театра русской драмы? Что составляет то главное, благодаря чему спектакли его с одинаковым интересом посещают как рядовыми зрителями, так и театральными работниками? Трудно, пожалуй, прийти к точным и четким определениям творческого лица театра на основе нескольких увиденных спектаклей, но представляется несомненной возможность сделать отдельные выводы, некоторые обобщения.

В театре г. Орджоникидзе, как, собственно, и в любом другом творческом коллективе, люди одарены талантом отнюдь не в равной мере. Не одинаковы не только творческие возможности, но и склонности и стремления его работников, и это, разумеется, сказывается по-своему в каждом увиденном нами спектакле. Но и в трагедии «Фатима» (инсценировка Н. Козлова по поэме К. Хетагурова), и в водевиле Ф. Вагримова «Яблоко раздора», и в героической драме «Настоящий человек» (инсценировка Т. Лондона по повести Б. Полевого), и в пьесе «Мораль пани Дульской» Г. Запольской притягивает творческая молодость коллектива этого театра. Эта молодость — не только люди, вернее, не столько в возрасте актеры, выступающих и ответственных ролях, сколько в отношении их к своему творчеству.

Актер должен уметь верить в предлагаемые обстоятельства. И он должен хотеть верить, в это, разумеется, вопрос не только его профессионализма, но и отношения к искусству, которому он служит. В просмотренных спектаклях эта черта проявлялась в различной степени, но присуща она почти всем членам коллектива Орджоникидзевского театра. Характерен в этом отношении водевил «Яблоко раздора» (режиссер Л. Кондырев). Следует здесь же оговориться. Водевиль «Яблоко раздора» не отличается особыми литературными достоинствами, а иногда со сцены звучат фразы, заставляющие зрителя сожалеть о синхронизаторе режиссера. Однако водевил предоставляет актерам возможность проявить свои способности, блистнуть умением петь, танцевать, держаться на сцене

легко и непринужденно. И надо сказать, что актеры в ряде случаев «спасают» текст искренностью, внутренней убежденностью. Это относится в первую очередь к актерам В. Коротько (Гоги) и Г. Штецко (буфетчица Катерина). Если трудность исполнения большинства ролей сводилась к необходимости преодолеть их «голубизну» или стандартность, что не всегда возможно и не всякому под силу, то сложность ролей Гоги и Катерины совсем иного рода. Литературный текст позволял сделать первого несколько глуповатым, а вторую — вульгарной, хотя пошла режиссер и актеры по этому пути, они искажали бы смысл и направленность этого водевиля, неприязнательного, но ратующего за любовь честную и сильную. Однако найден был верный ключ, и как Коротько, работавший в театре только год, так и значительно более опытная актриса Штецко создали — первый — образ горячего, темпераментного юноши, то порывистого, то обидчивого, но всегда искреннего в своих чувствах, а вторая — разбитой, хитроватой, но в целом хорошей женщины.

Одними из первых были показаны в Тбилиси этапные для театра спектакли — «Фатима» и «Настоящий человек», постановки которых осуществлена главным режиссером театра Д. Граниным. Оба спектакля раскрывают о больших человеческих чувствах, и театр был вправе показать и накал страстей, и столкновение характеров во всей их силе и драматической напряженности. Однако театр, возможно из боязни перед такой, часто поистергающей даже талантливыми артистами опасностью, как холодность, из боязни заглушить риторикой человеческие чувства, пошел по иному пути. Режиссер избегает «высоких нот» и оба спектакля решает в тонах мягких, акварельных, что, очевидно, наиболее соответствует его творческой индивидуальности. Это особенно заметно в «Фатиме», взызванной трагедией, но являющейся, по существу, лирическим, хотя и исполненным драматическим напряжением, рассказом о судьбе осетинской женщины.

Здесь — в начале и в финале спектакля — режиссер, изменив самому себе, взял-таки «высокую ноту» и... проснулся, ибо ника-

Сцена из спектакля «Фатима». На снимке (справа налево): Фатима — артистка В. Хугаева, Кошерхан — артистка Т. Петрова.

ким другим словом не определишь неизбежную риторическую сцену с памятником, мгновенно выключаящую зрителя из мира тех мыслей и чувств, которыми он жил во время этого хорошего, волнующего спектакля. Просчет режиссера имеет объяснение — спектакль «Фатима» готовился к юбилейной дате. В целом спектакль этот интересный, цельный.

Роль Фатимы — главная в пьесе, и от исполнительницы ее во многом зависит успех или неудача спектакля. Что же, актриса на эту роль подобрана точно. В. Хугаева создает образ живой, поэтичной, надменно достоверной.

В этом спектакле она предельно искренна (стоит вспомнить хотя бы сцену сумасшествия Фатимы, сыгранную артисткой ясно и правдиво, без тени натурализма). Может быть именно поэтому не вполне верши, особенно в начальных эпизодах второго действия, артисту В. Нечеву, исполняющему роль Ибрагима. Другие спектакли утвердили нас в предположении, что этот безусловно способный артист чувствует себя хорошо в тех ролях, где есть известная характерность, где может использоваться на свой социальный жизненный и профессиональный опыт. Так, в спектакле «Настоящий человек», где В. Нечев создавал запоминающийся нам образ тапика Гвоздева, он убеждает каждым своим словом. С хорошим чувством юмора сыграл артист и моряка-украинца Юана в «Яблоке раздора».

Говоря о «Фатиме», нельзя не сказать об исполнительнице роли Джиамбулата — артисте Г. Завалове. Быть может, это было случайным совпадением, а может быть молодому артисту каждый раз надобно время «на

раскачку», но во всяком случае какая-то вялость, неубедительность игры артиста была заметна в начальных эпизодах «Фатимы» и в прологе к «Яблоку раздора».

В целом же Джиамбулат — Завалов убеждает и впечатляет, ибо создает характер человека, который, хотя и умеет быть верным своему слову и своей любви, но жесток и эгоистичен и насквозь пропитан дикими сословными предрассудками.

Молодость Орджоникидзевского театра и в том, что это театр ищущий, не довольствующийся пьесами, которые сами идут в руки. Связательство этому и те два спектакля, о которых говорились выше, — именно в Орджоникидзевском театре получили они свое сценическое рождение, — и спектакль «Настоящий человек».

В героях этой драмы в режиссуре и актерской коллективе стремились выявить прежде всего те индивидуальные черты, которые, делая их непохожими друг на друга, дают в то же время им право называться настоящими людьми в самом высоком и достойном значении этого слова. Эта пьеса, конечно, трудная, мы бы даже сказали, очень трудная для постановки, и прежде всего потому, что нет в ней ярой выраженной внешней конфликтности, нет драматических столкновений героев. К тому же большая часть спектакля проходит в гостеприимной палате. Однако в пьесе есть конфликт внутренних. Это борьба комиссара за Мересьева и Мересьева — за самого себя, за право вернуться в строй, к любимой профессии, за право защищать Родину и мстить ненавистному врагу. И пусть в спектакле не все равномерно, он волнует по-настоящему, волнует потому, что коллективу удалось дать почувствовать зрителю атмосферу тех

лет. И хотя годы Великой Отечественной войны уже принадлежат истории, эта история пережита, засвидетельствована, сделана тем, кто сидит сегодня в зрительном зале и заново переживает пережитое.

Большое впечатление оставляет сцена в дерзущей, притворной жалобе раненого Мересьева. Видевшая этот спектакль запомнила, вероятно, чудотворную в своей правдивости мизансцену: смотрит и смотрят женщины на лежащего перед ними Мересьева, смотрят и не говорят ни слова, и не слышат ворчанья деда, вспоминая о «своих»: кто погиб за Родину, кто ранен, а кто ждет еще своей судьбы. И быть может, в этой небольшой сцене зритель особенно чувствует и скромный героизм русской женщины, и тяжесть выпавших на ее долю испытаний.

В обзорной рецензии нельзя хотя бы вкратце сказать о самых удачных актерских работах. Но на некоторых из них все же следует остановиться. Исполнителю главной роли артисту В. Бондаренко хочется пожелать дальнейшей серьезной работы над ней. Интонация его голоса в первых картинах, где раненый Мересьев ползет, изнемогая от боли, по снежной пустыне, где бредит он, упавший в беспомощность, на реальность неискренен. В дальнейшем, правда, актер живовет в роль, и тут уже верши ему.

Роль комиссара артист С. Рабинов играет интересно, своеобразно, создавая впечатляющий образ настоящего человека, настоящего коммуниста. Жизненно достоверен старшина Степан Степанович в замечательном исполнении Л. Кондырева. Убедительны в небольших ролях В. Лазарев (Кукушкин), А. Карпов (Стручков), С. Филиппов (Варя).

Нельзя хотя бы вкратце не упомянуть о спектакле «Мораль пани Дульской» (режиссер Д. Кондырев). Галломки, мешавшая мораль, носители которой считают, что нет жертв слишком большой, если приходится она ради из блага или спокойствия, разоблачается театром ясно и беспощадно.

В «Морали пани Дульской» ярко проявляется та увлеченность артистов своим искусством, которая характеризует и другие спектакли Орджоникидзевского театра. Встреча с этим новым для тбилисского зрителя коллективом оказалась радостной и интересной.

С. ГВЕДЕСИАНИ.